

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-3-242-252

Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.

УСАНОВ В.Е.,

академик Российской академии образования,

доктор юридических наук, профессор,

e-mail: vusanov@mail.ru

СОБСТВЕННОСТЬ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи института собственности и категории правосубъектности в условиях цифровизации правового порядка. Собственность рассматривается как форма признанной юридической воли, а правосубъектность — как волевая способность, облеченная в юридическую форму. Через анализ категории признания как структурного элемента правопорядка показывается, каким образом цифровые технологии (блокчейн, распределенные реестры, криптографические протоколы, смарт-контракты) трансформируют механизм юридического признания и, следовательно, саму структуру правосубъектности. Вводится понятие алгоритмического признания, исследуется роль цифровой идентичности (криптографических ключей, цифровых кошельков, идентификаторов в информационных системах) в формировании новых модальностей правового субъекта. Обосновывается вывод о том, что цифровизация не разрушает институт собственности и не упраздняет правосубъектность, но изменяет инфраструктуру признания юридических состояний, в которой воля субъекта получает возможность действовать в правопорядке.

Ключевые слова: собственность; правосубъектность; форма; юридическая воля; признание; цифровое право; блокчейн; цифровая идентичность; философия права; Гегель.

USANOV V.E.,

Academician of the Russian Academy of Education,

Doctor of Law, Professor

PROPERTY AND LEGAL PERSONALITY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. The article examines the relationship between the institution of property and the category of legal personality in the context of the digitalization of the legal order. Property is considered as a form of legally recognized will, while legal personality is interpreted as a volitional capacity expressed in legal form. Through the analysis of the category of recognition as a structural element of the legal order, the study demonstrates how digital technologies (blockchain, distributed ledgers, cryptographic protocols, and smart contracts) transform the mechanism of legal recognition and, consequently, the very structure of legal personality. The concept of algorithmic recognition is introduced, and the role of digital identity (cryptographic keys, digital wallets, and identifiers in information systems) in shaping new modalities of the legal subject is examined. The article substantiates the conclusion that digitalization does not destroy the institution of property and does not eliminate legal personality, but rather transforms the infrastructure of recognition of legal states within which the will of the subject becomes capable of operating within the legal order.

Key words: property; legal personality; form; legal will; recognition; digital law; blockchain; digital identity; philosophy of law; Hegel.

Цифровизация правового порядка ставит перед философией права и теорией гражданского права фундаментальную задачу: осмыслить, каким образом базовые категории частного права сохраняют свою действительность в условиях, когда технологическая инфраструктура юридического взаимодействия претерпевает качественные изменения. Среди таких

категорий центральное положение занимают собственность и правосубъектность, поскольку именно они определяют возможность лица действовать в правовом пространстве и закреплять результаты своей деятельности в форме признанных правовых состояний.

Нами было обосновано понимание собственности не как совокупности правомочий или

связи лица с вещью, а как формы, в которой воля субъекта получает юридическое признание [14]. Собственность раскрывалась как первая ступень объективного существования свободы, структура которой сохраняет свою логическую и правовую целостность даже в условиях, когда объект права лишен материальной субстанции. Были выявлены характеристики данной формы — устойчивость, отчуждаемость, темпоральность, воспроизводимость и возврат.

Предметом настоящей статьи выступает не собственность как таковая, а точка соприкосновения собственности и правосубъектности — категория юридического признания. Если собственность есть форма, в которой воля получает признание, то правосубъектность есть условие возможности такого признания: способность лица быть носителем признанной воли. Вопрос о том, как цифровая среда преобразует механизм признания и, следовательно, саму структуру правосубъектности, составляет основную научную гипотезу исследования.

Методологически работа строится на соединении диалектико-логического анализа в духе Гегеля, понятийного анализа категорий собственности и субъекта, догматического анализа действующего гражданского законодательства и сравнительного анализа современных доктрин цифрового права. Обращение к гегелевской традиции обусловлено тем обстоятельством, что именно в рамках этой традиции были с наибольшей последовательностью разработаны понятия воли, свободы, признания и формы — понятия, составляющие ядро настоящего исследования [12].

Понятие собственности, лежащее в основании настоящего исследования, восходит к «Философии права» Г. В. Ф. Гегеля. Право, по Гегелю, «состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли». Тремя основными формами конкретизации понятия свободы и права выступают абстрактное право, мораль и нравственность; собственность принадлежит первой из этих ступеней — сфере абстрактного права, где «лицо должно дать себе внешнюю сферу своей свободы для того, чтобы быть как идея». При этом «разумность собственности заключается не в удовлетворении потребности, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо есть как разум» [5].

Собственность, таким образом, не есть отношение лица к вещи в эмпирическом смысле. Она есть первая форма, посредством которой воля становится объективной, то есть получает наличное бытие, выходящее за пределы внутренней субъективности. Вещь в гегелевской конструкции выступает лишь как нечто несвободное,

безличное и бесправное — как материал, в котором воля находит внешнее выражение. Существо дела состоит не в вещи, а в акте полагания воли, через который субъект обретает правовую реальность.

Нами уже было показано, что собственность обладает характеристиками формы в строгом философском смысле. Собственность — не эмпирический факт обладания, не юридическая фикция и не перечень правомочий (владение, пользование, распоряжение). Она представляет собой структуру, в которой воля субъекта получает юридическое признание и, следовательно, становится действительной в правовом порядке. Данная форма обладает устойчивостью (сохраняется при изменении объекта), отчуждаемостью (может быть перенесена на другого субъекта через акт воли), темпоральностью (существует во времени и может прекращаться), воспроизводимостью (может возникать вновь) и способностью к возврату (восстанавливается при устранении нарушений) [14].

Ключевым элементом данной конструкции является признание. Собственность возникает не из одностороннего акта присвоения и не из факта физического контакта с вещью. Она возникает через признание правовым порядком юридически значимого состояния: правовой порядок удостоверяет, что воля данного субъекта распространяется на данный объект, и вследствие этого удостоверения состояние приобретает юридическую действительность.

Однако если собственность есть форма, в которой воля получает признание, то немедленно возникает вопрос: кто является носителем этой воли? Что делает возможным для лица выступить в качестве субъекта признания? Иначе говоря: каким образом право определяет того, чья воля подлежит признанию? Этот вопрос есть вопрос о правосубъектности. Собственность как форма и правосубъектность как условие этой формы находятся в неразрывной связи: без правосубъектности невозможно признание воли, а без признания воли невозможна собственность.

Категория правосубъектности принадлежит к числу фундаментальных понятий юридической науки. Несмотря на длительную историю исследований, однозначного понимания этой категории не выработано. Правосубъектность отождествлялась с правоспособностью (С. Н. Братусь, Н. Г. Александров, С. Ф. Кечекьян) либо рассматривалась как единство правоспособности и дееспособности (О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков, Н. В. Витрук, С. С. Алексеев). Ряд авторов относил правосубъектность (равно как и правоспособность и дееспособность) к субъективным правам [3].

Наиболее плодотворной для целей настоящего исследования представляется позиция, согласно которой правосубъектность следует связывать не с отдельными правовыми элементами, а с социально-правовой способностью лица быть участником правоотношений. При таком подходе правосубъектность охватывает не только правовые, но и социально-волевые качества личности: лицо способно действовать в правовом пространстве лишь при условии, если оно обладает необходимыми для этого естественными и общественными свойствами [6].

Гражданская правосубъектность определяется в частности как «облеченная в юридическую форму волевая способность людей и их коллективов, т.е. признанная правопорядком способность юридически значимого проявления воли в области регулируемых цивилистической отраслью имущественных отношений» [6]. Данная формулировка содержит два ключевых момента, существенных для настоящего исследования.

Во-первых, правосубъектность понимается как единство содержания (волевой способности) и формы (юридических категорий правоспособности и дееспособности). Внутренняя, содержательная сторона правосубъектности — это волевая способность лица, а внешняя, формальная сторона — юридическая способность, представленная правоспособностью и дееспособностью определенного объема.

Во-вторых, правосубъектность определяется через признание: она представляет собой именно признанную правопорядком способность. Признание государством правосубъектности означает «придание юридических качеств волевой способности лица, образуемой его неотъемлемыми естественными и общественными свойствами».

О. А. Красавчиков подчеркивал, что «социальное содержание правосубъектности представляет собой социальную свободу и долг лица в обществе и перед обществом». Правосубъектность, таким образом, раскрывается как правовая форма, в которую облечена социальная свобода лица — его способность действовать в правовом пространстве в качестве носителя воли [11].

Сопоставление двух категорий позволяет обнаружить их глубинное единство. Собственность есть форма, в которой воля субъекта получает признание в качестве юридически действительной. Правосубъектность есть форма, в которой волевая способность лица получает признание правопорядком. Обе категории: представляют собой формы признанной воли; конституируются через акт признания правопорядком; являются условиями юридической действительности субъекта.

Различие между ними состоит в уровне абстракции. Правосубъектность — это признание волевой способности как таковой: способности быть носителем прав и обязанностей. Собственность — это признание конкретного акта воли в отношении конкретного объекта. Правосубъектность есть предпосылка собственности, а собственность — первая реализация правосубъектности в предметном мире. Без правосубъектности нет субъекта, чья воля могла бы получить признание; без собственности воля субъекта не получает предметного выражения.

Данная связь имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Любое изменение в механизме признания неизбежно затрагивает обе категории одновременно: если меняется способ, которым правопорядок признает юридические состояния, то трансформируются и правосубъектность, и собственность. Именно это происходит в условиях цифровизации.

Категория признания занимает в философии права особое положение. У Гегеля признание выступает условием самосознания субъекта: «Я» становится действительным лишь в отношении с другим «Я», лишь будучи признанным другим в качестве свободного существа [5]. В сфере абстрактного права это означает, что лицо становится лицом лишь тогда, когда оно признано другими лицами в качестве носителя воли. Правопорядок представляет собой институционализированную систему такого признания.

Применительно к позитивному праву юридическое признание может быть определено как акт (или состояние), посредством которого правопорядок удостоверяет юридическую действительность состояния, действия или свойства лица. Признание — не факультативная надстройка над правом, а конститутивный элемент самого права: право существует как система признанных состояний. Вне признания нет ни субъективных прав, ни юридических обязанностей, ни правовых статусов.

Механизм юридического признания включает в себя несколько элементов: субъект признания — инстанция, наделенная компетенцией удостоверять юридические состояния (государственный орган, суд, нотариус, реестр); объект признания — юридическое состояние, подлежащее удостоверению (право собственности, правоспособность, действительность сделки); форма признания — способ, посредством которого признание осуществляется (регистрационная запись, судебное решение, нотариальный акт, публичное оповещение); инфраструктура признания — совокупность институтов, процедур и технологий, обеспечивающих функционирование механизма признания.

Для настоящего исследования особое значение имеет последний элемент — инфраструктура признания, поскольку именно она претерпевает наиболее существенные изменения в условиях цифровизации.

Признание формирует юридическую действительность: состояние, получившее признание, становится юридическим фактом, порождающим правовые последствия. Право собственности существует не потому, что лицо физически обладает вещью, а потому, что правопорядок признает за ним данное право. Правосубъектность существует не потому, что человек обладает волей в психологическом смысле, а потому, что правопорядок признает за ним способность к юридически значимому проявлению воли. Участие в регламентируемых правом общественных отношениях требует государственного признания способности лица вступить в конкретную юридическую связь; «без такого признания человек в юридической реальности оказывается исключительно в качестве живой, говорящей материи» [6].

Аналогичным образом статья 6 Всеобщей декларации прав человека устанавливает, что «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». Данная формулировка подтверждает, что правосубъектность конституируется именно через признание.

Классический правопорядок строится на централизованной архитектуре признания, в которой функция удостоверения юридических состояний сосредоточена в руках публичных институтов. Данная архитектура включает несколько основных механизмов.

Государственная регистрация прав представляет собой наиболее формализованный способ признания. Применительно к вещным правам на недвижимое имущество государственная регистрация является конститутивным актом: право возникает в момент внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости. Запись в реестре есть не описание факта, а юридический акт, посредством которого правопорядок удостоверяет наличие права у определенного лица.

Нотариальное удостоверение выполняет функцию признания применительно к сделкам и иным юридическим актам. Нотариус удостоверяет, что воля сторон была выражена надлежащим образом, что стороны обладают необходимой правосубъектностью и что юридический акт соответствует требованиям закона. Нотариальное удостоверение, таким образом, представляет собой акт институционального признания юридически значимых действий.

Судебное подтверждение выступает механизмом признания в ситуациях спора или неопре-

деленности. Судебное решение устанавливает юридическую действительность или недействительность состояния, разрешая вопрос о признании в пользу одной из сторон. Вступившее в силу судебное решение обладает свойством обязательности, что означает: признание, осуществленное судом, является окончательным и не подлежит пересмотру за пределами установленных процессуальных процедур.

Публичные реестры (реестры юридических лиц, реестры прав, кадастры, реестры актов гражданского состояния) представляют собой институциональную инфраструктуру, обеспечивающую хранение, публичность и верифицируемость признанных состояний.

Все перечисленные механизмы объединяет ряд общих характеристик: централизация — функция признания сосредоточена в специально уполномоченных институтах; иерархичность — институты признания встроены в систему публичной власти и подчинены ее правилам; формализованность — акт признания осуществляется в строго определенной процедурной форме; персонифицированность — за актом признания стоит конкретное должностное лицо (регистратор, нотариус, судья), несущее ответственность; территориальная привязка — механизм признания действует в пределах юрисдикции соответствующего государства.

Данная архитектура обеспечивает высокую степень правовой определенности, но одновременно обладает рядом ограничений: она зависима от эффективности государственных институтов, связана территориальной юрисдикцией и предполагает значительные временные и транзакционные издержки. Именно эти ограничения создают предпосылки для возникновения альтернативных форм признания в цифровой среде.

Цифровая среда формирует новую инфраструктуру, в которой юридически значимые состояния могут удостоверяться способами, качественно отличающимися от институционального признания. К числу ключевых технологий, создающих эту инфраструктуру, относятся блокчейн (распределенный реестр), криптографические протоколы, смарт-контракты и децентрализованные системы идентификации.

Блокчейн представляет собой криптографический распределенный реестр, в котором информация фиксируется неизменяемым образом и верифицируется большинством участников сети, создавая единое доказательство, которому доверяют все участники, поскольку оно было независимо проверено. Как подчеркивает К. Вербах, блокчейн — это «новое решение извечной человеческой проблемы доверия»: технология

позволяет участникам доверять результатам системы, не доверяя ни одному из индивидуальных участников [20].

Криптографические протоколы обеспечивают математически верифицируемую достоверность информации: цифровая подпись подтверждает тождество субъекта, хеширование обеспечивает неизменность данных, шифрование гарантирует конфиденциальность.

Смарт-контракты — программные протоколы, автоматически исполняющие заданные условия при наступлении определенных обстоятельств — выступают механизмом автоматизированного исполнения юридически значимых действий. В российском праве смарт-контракт был определен в проекте закона как «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в

автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре» [22]; однако действующее законодательство не содержит специального регулирования смарт-контрактов как отдельного вида договоров [23].

Совокупность указанных технологий создает условия для возникновения качественно новой формы признания, которую можно обозначить как алгоритмическое признание. Под алгоритмическим признанием понимается удостоверение юридически значимых состояний не институтами публичной власти, а техническими системами, действующими на основании заложенных в них алгоритмов.

Алгоритмическое признание обладает характеристиками, существенно отличающими его от институционального:

Таблица 1. Характеристики алгоритмического признания

Характеристика	Институциональное признание	Алгоритмическое признание
Субъект признания	Должностное лицо, институт	Технический протокол, сеть
Форма признания	Документ, запись в реестре	Криптографическая запись
Верификация	Проверка уполномоченным органом	Математическая верификация
Территориальность	Привязка к юрисдикции	Трансграничность
Изменяемость	Допускается в установленном порядке	Неизменяемость (иммутабельность)
Исполнение	Требует волевого акта	Автоматическое (через смарт-контракт)

Алгоритмическое признание не вытесняет институциональное, но образует рядом с ним параллельный контур удостоверения юридических состояний. Данная ситуация описывается концепцией Л. Лессига, который показал, что в цифровой среде программный код функционирует как одна из модальностей регулирования наряду с правом, нормами и рынком. Код — это «архитектура Интернета», которая «способна ограничивать действия индивида технологическими средствами» [18]. П. Де Филиппи и С. Хассан развивают эту мысль, описывая переход от принципа «code is law» (код имеет силу закона) к принципу «law is code» (право выражается в коде): блокчейн и смарт-контракты создают условия, при которых юридические правила непосред-

ственно встраиваются в технологическую архитектуру и исполняются автоматически [17].

Применительно к проблеме признания это означает следующее. Если в классическом правовом порядке юридическое состояние удостоверяется актом институционального органа (регистрацией, нотариальным удостоверением, судебным решением), то в цифровой среде оно может удостоверяться записью в распределенном реестре, подтвержденной криптографическим протоколом. При этом формально-юридическая действительность такого удостоверения определяется позитивным правом. Статья 141.1 ГК РФ прямо устанавливает, что осуществление, распоряжение, передача, залог, обременение и ограничение распоряжения цифровым правом «возможны

только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Законодатель, таким образом, признает информационную систему в качестве легитимной инфраструктуры признания юридических состояний.

Вместе с тем алгоритмическое признание не является самодостаточным. К. Вербах убедительно показал на примере The DAO (2016) [24], что блокчейн, целиком отделенный от правовой системы, может оказаться «контрпродуктивным или даже опасным»: код не способен различить правомерное действие и мошенничество, законную транзакцию и злоупотребление. «Центральный вопрос состоит не в том, как регулировать блокчейн, а в том, как блокчейн регулирует». Субъективные намерения остаются значимыми даже тогда, когда выражены через объективный код; блокчейн-системы уязвимы для эгоистического поведения, атак и манипуляций [20].

Алгоритмическое признание, следовательно, функционирует в пределах, установленных правопорядком. Оно не создает юридическую действительность автономно, а встраивается в более широкую систему юридического признания, в которой последнее слово принадлежит институциональным механизмам (закону, суду, государственному регулятору).

Вопрос о том, каким образом субъект права идентифицируется в цифровой среде, является ключевым для понимания трансформации правосубъектности. В классическом правопорядке идентификация лица осуществляется посредством документов (паспорт, свидетельство о рождении), биометрических данных и институциональных процедур (регистрация, удостоверение личности). Связь между физическим лицом и его правосубъектностью устанавливается через формализованные процедуры, находящиеся в компетенции государственных органов.

В цифровой среде возникают альтернативные способы идентификации. Децентрализованная идентичность (Decentralized Identity, DI) и самосуверенная идентичность (Self-Sovereign Identity, SSI) представляют собой новый подход к управлению идентичностью, предоставляющий пользователям контроль над собственными данными без необходимости полагаться на централизованные базы данных. В системах SSI идентичность принадлежит пользователю, а не сервис-провайдеру; верификация осуществляется с помощью криптографических доказательств (верифицируемых удостоверений — Verifiable Credentials, VC), которые позволяют проверяющей стороне удостовериться в корректности заявленных свойств без обращения к центральному хранилищу [16].

В блокчейн-экосистеме субъект действует посредством криптографического ключа (пары

«открытый ключ — закрытый ключ»), цифрового кошелька (wallet) или аккаунта в информационной системе. Все юридически значимые действия — распоряжение цифровыми активами, заключение и исполнение смарт-контрактов, голосование в децентрализованных организациях — совершаются от имени ключа или аккаунта, а не от имени физического лица как такового.

Возникает вопрос: может ли криптографический ключ или цифровой кошелек рассматриваться как носитель юридически значимых действий? Строго говоря, ключ или кошелек не являются субъектом права — они представляют собой технические инструменты. Однако в рамках информационной системы именно через них осуществляется связь между волеизъявлением и его юридическими последствиями. Владелец закрытого ключа — и только он — способен совершить транзакцию; таким образом, ключ выступает инструментом идентификации воли.

Как отмечается в исследованиях по цифровой идентичности, блокчейн-аккаунты являются «идеальным архетипом для реализации децентрализованной идентичности Web 3.0». Однако полная анонимность таких систем порождает проблему: пользователи могут создавать множественные аккаунты без аутентификации, что размывает связь между идентичностью и личностью. Предлагаемые решения (например, zkBID) направлены на установление однозначного соответствия между блокчейн-аккаунтами («душами», souls) и реальными лицами (humans) посредством доказательств с нулевым разглашением (zero-knowledge proof) [21].

Для того чтобы стать субъектом оборота цифровых финансовых активов, лицу необходимо, во-первых, обладать правом пользования аппаратно-программным комплексом, обеспечивающим доступ к информационной системе, и, во-вторых, пройти процедуру идентификации в этой системе. Как отмечает С. А. Чеховская, «для реализации правосубъектности в цифровой среде явно недостаточно признания отдельного лица правосубъектным в традиционном понимании, без выполнения условий доступа к цифровой среде и функционирования в ней». Развитие категории правосубъектности под влиянием цифровизации связано с «интеграцией технологических и правовых подходов, отражающих динамику правосубъектности» [15].

Цифровая среда, таким образом, вводит дополнительный уровень условий правосубъектности. В классическом правопорядке для реализации правосубъектности достаточно юридического признания волевой способности (через правоспособность и дееспособность). В цифровом правопорядке реализация правосубъектно-

сти требует, кроме того, технической идентификации — наличия криптографического ключа, регистрации в информационной системе, доступа к цифровой инфраструктуре. Без технической идентификации субъект формально правоспособен, но фактически не может совершать юридически значимые действия в цифровой среде.

Это означает, что цифровая среда формирует то, что можно обозначить как технически опосредованную правосубъектность — правосубъектность, реализация которой обусловлена не только юридическим признанием, но и технической идентификацией субъекта в информационной системе.

Проблема усложняется тем, что в цифровой среде возникают образования, обладающие отдельными признаками субъектности, но не вписывающиеся в традиционные категории субъектов права. К таким образованиям относятся децентрализованные автономные организации (DAO), алгоритмические системы принятия решений, системы искусственного интеллекта, действующие автономно.

Как отмечает М. В. Залоило, «в условиях высокой динамики развития социума, технологий и права» категории правосубъектности «являются весьма подвижными, и если сейчас вопрос обретения правосубъектности рядом сущностей остается открытым, то нельзя оставаться уверенными в том, что в будущем состав субъектов права не изменится» [7]. С. А. Чеховская указывает на перспективу формирования «гибридной правосубъектности, или квазисубъектности, для отдельных цифровых образований» и на расширение субъектного состава правоотношений [15].

Вместе с тем с позиции настоящего исследования принципиальным является следующее: вне зависимости от того, будут ли в будущем признаны субъектами права автономные цифровые системы, структура правосубъектности остается привязанной к категории воли и к механизму признания. Субъект права — это носитель признанной волевой способности. Изменение технологической среды может расширить перечень форм, в которых эта способность проявляется, но не способно упразднить саму логику признания.

Современный правовой порядок, формирующийся под влиянием цифровизации, характеризуется не заменой институционального признания алгоритмическим, а их сосуществованием и взаимным дополнением. Можно говорить о двухконтурной архитектуре признания, в которой: первый контур образуется традиционными юридическими институтами (государственная регистрация, судебное подтверждение, нотариальное удостоверение, публичные реестры); второй контур образуется технологическими системами

(распределенные реестры, криптографические протоколы, смарт-контракты, цифровые платформы).

Собственность начинает функционировать внутри обоих контуров одновременно. Право на недвижимое имущество по-прежнему возникает через государственную регистрацию; но цифровое право (ст. 141.1 ГК РФ) возникает и реализуется «только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Цифровые финансовые активы выпускаются, учитываются и обращаются «только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра». Собственность как форма признанной воли, таким образом, реализуется в двух различных инфраструктурах признания — институциональной и алгоритмической.

Данная ситуация имеет глубокие правовые последствия. Если архитектура информационной системы определяет, каким образом осуществляются, передаются и обременяются цифровые права, то архитектура выполняет регулятивную функцию. Лессиг точно сформулировал этот принцип: код является законом в том смысле, что он «непосредственно встраивает правила в структуру цифровой инфраструктуры», определяя, что может и что не может быть сделано в цифровом пространстве [19]. Де Филиппи и Хассан показали, что в отличие от традиционных правовых норм, которые могут быть нарушены (и применяются *ex post*), технологические ограничения действуют *ex ante*, делая нарушение практически невозможным [17].

Для собственности это означает, что ее содержание начинает определяться не только нормами закона, но и правилами информационной системы. Объем правомочий правообладателя цифрового актива зависит от того, какие возможности предусмотрены протоколом: может ли актив быть передан, разделен, уничтожен (*burn*), ограничен в обращении. DRM-системы ограничивают правомочия обладателя цифрового объекта техническими средствами, а не юридическими нормами. Тем самым архитектура информационной системы становится элементом правового режима собственности.

Показательным примером двухконтурной архитектуры признания является внедрение цифрового рубля (CBDC). Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ закрепил цифровой рубль как третью форму национальной валюты наряду с наличными и безналичными денежными средствами. Цифровой рубль существует в форме записи на платформе Банка России, а распоряжение им осуществляется посредством цифрового кошелька. Права на цифровой рубль удостоверяются записью на платформе (алгоритмиче-

ское признание), но сама платформа функционирует под контролем Банка России (институциональное признание).

Субъект — владелец цифрового кошелька — реализует свою правосубъектность через техническую идентификацию на платформе. Его воля (распоряжение денежными средствами) получает юридическое признание через запись в системе, функционирующей по правилам, установленным регулятором. Собственность (право на денежные средства в форме цифрового рубля) реализуется, таким образом, в сложной структуре признания, включающей юридические институты, технологические системы и алгоритмические процедуры.

Аналогичные тенденции прослеживаются в международном контексте. Регламент ЕС 2023/1114 (MiCA — Markets in Crypto-Assets Regulation), вступивший в силу в 2024 году, создает комплексную нормативную основу для оборота криптоактивов. MiCA устанавливает требования к эмитентам криптоактивов, поставщикам услуг и операторам платформ, встраивая алгоритмическое признание (запись в распределенном реестре) в систему институционального признания (лицензирование, надзор, защита прав потребителей). Данная модель подтверждает общую тенденцию: не замена одного контура другим, а их интеграция в единую архитектуру признания [25].

Признание цифровых токенов в качестве имущества (property) английскими судами также демонстрирует, что правовые системы адаптируют существующие принципы собственности к новым формам стоимости и владения, основанным на блокчейн-технологиях. Суд установил, что цифровые токены «могут разумно рассматриваться как имущество в рамках существующих правовых систем», что обеспечивает их владельцам «правовую определенность, которая ранее была недоступна в сфере блокчейн-торговли» [26].

В классическом правовом порядке связь между субъектом и его волей является непосредственной: субъект выражает свою волю лично (или через представителя, действующего по его поручению) и получает юридическое признание этого выражения от институциональных органов. В цифровой среде эта связь опосредуется технологической инфраструктурой.

Воля субъекта выражается через цифровое действие (транзакцию, подписание, подтверждение), удостоверяется криптографическим протоколом (цифровая подпись) и регистрируется в информационной системе (распределенном реестре, платформе). Между актом воли и его юри-

дическим признанием появляется технологический слой, который выполняет функции идентификации, верификации и фиксации.

Это опосредование не упраздняет волю, но изменяет модальность ее юридического бытия. Воля по-прежнему принадлежит субъекту; но она становится юридически действительной через технический акт, а не через обращение к институциональному органу. Для целей гражданского оборота достаточно, чтобы транзакция была подписана соответствующим ключом, — институциональное подтверждение требуется лишь в случае спора.

Проведенный анализ позволяет сформулировать центральный тезис настоящего исследования. Собственность как форма юридической воли не утрачивает своих сущностных характеристик в цифровой среде. Она по-прежнему представляет собой структуру, в которой воля субъекта получает признание и, следовательно, становится юридически действительной. Сохраняются все выявленные ранее характеристики формы — устойчивость, отчуждаемость, темпоральность, воспроизводимость, возврат.

Однако изменяется инфраструктура признания, внутри которой эта форма реализуется. Классический правовой порядок обеспечивает признание через централизованные институты; цифровой правовой порядок дополняет их алгоритмическими системами верификации. Собственность встраивается в двухконтурную архитектуру признания, где юридические и технологические механизмы взаимодействуют, дополняя друг друга.

Аналогичным образом правосубъектность — волевая способность, облеченная в юридическую форму, — не утрачивает своей сущности, но обретает дополнительный уровень условий реализации. В цифровом правовом порядке субъект, для того чтобы реализовать свою правосубъектность, должен не только обладать юридической правоспособностью и дееспособностью, но и быть идентифицированным в информационной системе — обладать криптографическим ключом, аккаунтом, цифровым кошельком.

Можно говорить о том, что цифровая среда формирует технически обусловленную модальность правосубъектности. Это не новый вид правосубъектности (в системном смысле), а новое условие ее реализации в определенном сегменте правовых отношений. Подобно тому как в классическом правовом порядке дееспособность определяется психическим состоянием лица и его возрастом, в цифровом правовом порядке реализация правосубъектности дополнительно обусловлена технической идентификацией.

В заключение сформулируем следующие основные выводы.

Во-первых, собственность и правосубъектность находятся в неразрывной структурной связи, определяемой категорией признания. Собственность — форма, в которой воля субъекта получает юридическое признание; правосубъектность — форма, в которой волевая способность лица получает признание правом порядком. Обе категории конституируются через механизм признания и обе трансформируются при изменении инфраструктуры признания.

Во-вторых, классический порядок строится на централизованной архитектуре институционального признания (государственная регистрация, нотариальное удостоверение, судебное подтверждение, публичные реестры). Данная архитектура обеспечивает правовую определенность, но связана территориальной юрисдикцией и предполагает значительные транзакционные издержки.

В-третьих, цифровая среда формирует новый контур признания — алгоритмическое признание, при котором юридически значимые состояния удостоверяются техническими системами (распределенными реестрами, криптографическими протоколами, смарт-контрактами). Алгоритмическое признание не вытесняет институциональное, но образует параллельный контур удостоверения, создавая двухконтурную архитектуру признания.

В-четвертых, цифровая среда трансформирует структуру правосубъектности, формируя дополнительный уровень условий ее реализации. Для действий в цифровом порядке субъект должен быть не только юридически правосубъектен, но и технически идентифицирован — обладать криптографическим ключом, цифровым кошельком, аккаунтом в информационной системе. Это создает феномен технически опосредованной правосубъектности.

В-пятых, цифровизация не разрушает ни институт собственности, ни категорию правосубъектности. Собственность сохраняет свою логическую форму, но реализуется в иной инфраструктуре признания. Правосубъектность сохраняет свое содержание (признанную волевою способностью), но обретает дополнительное технологическое условие реализации. Изменяется не сущность этих категорий, а модальность их бытия в порядке.

Дальнейшее развитие исследования предполагает анализ конкретных правовых режимов, в которых двухконтурная архитектура признания проявляется наиболее отчетливо (цифровые финансовые активы, децентрализованные автономные организации, цифровой рубль), а также разработку понятийного аппарата, адекватного реалиям цифрового порядка, в котором институциональное и алгоритмическое признание взаимно обуславливают друг друга.

Список литературы:

- [1] Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955.
- [2] Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982.
- [3] Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950.
- [4] Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1977.
- [5] Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VII. М.—Л.: Соцэкгиз, 1934.
- [6] Груздев В. В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2.
- [7] Залоило М. В. Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3.
- [8] Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1949.
- [9] Калмыков А. А. Гегелевская философия гражданского права // Известия Калмыцкого государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 4.
- [10] Кечебян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958.
- [11] Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005.
- [12] Нерсисянц В. С. Философия права Гегеля. М.: Юрист, 1998.
- [13] Сырых В. М. Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2013.
- [14] Усанов В. Е., Кравцов С. С., Жеребченко А. В. Собственность как форма // Образование и право. 2025. № 10.
- [15] Чеховская С. А. Способы реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде // Lex russica. 2023. Т. 76. № 10.
- [16] Are We There Yet? A Study of Decentralized Identity Applications. arXiv, 2025.
- [17] De Filippi P., Hassan S. Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code is Law to Law is Code // First Monday. 2016. Vol. 21. No. 12.
- [18] Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999.
- [19] Lessig L. The Laws of Cyberspace. 1999.
- [20] Werbach K. Trust, But Verify: Why the Blockchain Needs the Law // Berkeley Technology Law Journal. 2018. Vol. 33. No. 2.
- [21] Wu W. et al. zkBID: Blockchain-Based Identity with Soul Accounts and Zero-Knowledge Proofs. arXiv, 2023.

[22] Проект федерального закона № 419059 7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. 2018 г.), ст. 2: «Смарт контракт – договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций...»

[23] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[24] The DAO была устроена как смарт-контракт-фонд, где инвесторы голосовали за проекты; управление и распределение средств максимально «отдали коду». В коде обнаружилась уязвимость, и один из участников с помощью допустимой с точки зрения кода, но явно злонамеренной операции «выкачал» значительную часть средств. Юридически было не ясно, считать ли это «ограблением» или «допустимым использованием кода», и в итоге сообщество пошло на разделение блокчейна (Ethereum / Ethereum Classic), фактически вмешавшись в «неизменяемый» код.

[25] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40–206. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023R1114> (дата обращения: 07.03.2026).

[26] Legal statement on cryptoassets and smart contracts // UK Jurisdiction Taskforce, 2019, где сделан вывод, что криптоактивы «могут разумно рассматриваться как имущество» по английскому праву. URL: <https://technation.io/news/legal-statement-ukjt-cryptoassets-smart-contracts> (дата обращения: 07.03.2026); см. также: AA v Persons Unknown EWHC 2556 (Comm), где Коммерческий суд признал криптоактив (Bitcoin) формой имущества, что обеспечило обладателям токенов правовую определенность и доступ к вещно правовой защите.

References:

- [1] Alexandrov N. G. Legality and legal relations in Soviet society. M.: Gosyurizdat, 1955.
 [2] Alekseev S. S. General theory of law: in 2 vols. T. 2. M.: Legal literature, 1982.
 [3] Brother S. N. Subjects of civil law. M.: Gosyurizdat, 1950.

[4] Vitruk N.V. Fundamentals of the theory of the legal status of a person in a socialist society. M.: Science, 1977.

[5] Hegel G.V. F. Works. T. VII. M.-L.: Sotsekgiz, 1934.

[6] Gruzdev V.V. On the essence of civil legal personality//Actual problems of Russian law. 2018. № 2.

[7] Zaloilo M.V. Subject of law and the dynamics of its legal status in the context of digitalization// Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2021. № 3.

[8] Ioffe O.S. Legal relations under Soviet civil law. L.: Publishing House of Leningrad University, 1949.

[9] Kalmykov A.A. Hegelevskaya philosophy of civil law//Izvestia Kalmyk State University. Humanities series. 2019. № 4.

[10] Kechekian S.F. Legal relations in socialist society. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958.

[11] Krasavchikov O. A. Categories of civil law science: selected works: in 2 vols. T. 2. M.: Statute, 2005.

[12] Nersesyants V.S. Hegel's philosophy of law. M.: Lawyer, 1998.

[13] Raw V. M. Materialistic philosophy of private law. M.: Yurlitinform, 2013.

[14] Usanov V.E., Kravtsov S.S., Zherebchenko A.V. Property as a form//Education and law. 2025. № 10.

[15] Chekhovskaya S. A. Ways to implement legal personality in a digital entrepreneurial environment//Lex russica. 2023. T. 76. № 10.

[16] Are We There Yet? A Study of Decentralized Identity Applications. arXiv, 2025.

[17] De Filippi P., Hassan S. Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code is Law to Law is Code // First Monday. 2016. Vol. 21. No. 12.

[18] Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999.

[19] Lessig L. The Laws of Cyberspace. 1999.

[20] Werbach K. Trust, But Verify: Why the Blockchain Needs the Law // Berkeley Technology Law Journal. 2018. Vol. 33. No. 2.

[21] Wu W. et al. zkBID: Blockchain-Based Identity with Soul Accounts and Zero-Knowledge Proofs. arXiv, 2023.

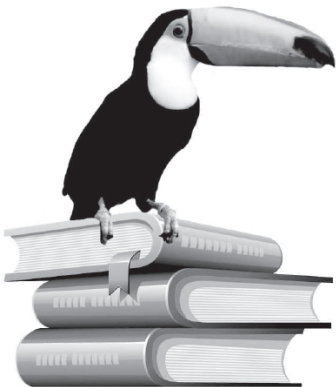
[22] Draft Federal Law No. 419059 7 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended in 2018), Article 2: “Smart contract is an electronic contract, the exercise of rights and obligations under which is carried out by automatically making digital transactions in a distributed register of digital transactions...”

[23] Federal Law of 31.07.2020 No. 259 FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03.08.2020. No. 31 (part I). Art. 5018.

[24] The DAO was set up as a smart contract fund where investors voted on projects; management and distribution of funds as much as possible "given to the code." A vulnerability was discovered in the code, and one of the participants, using an acceptable from the point of view of the code, but clearly malicious operation, "pumped out" a significant part of the funds. Legally, it was not clear whether this was considered a "robbery" or "permissible use of code," and as a result, the community went to separate the blockchain (Ethereum/Ethereum Classic), actually interfering with the "unchangeable" code.

[25] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40–206. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023R1114> (accessed on: 07.03.2026).

[26] Legal statement on cryptoassets and smart contracts//UK Litigation Taskforce, 2019, which concluded that crypto assets "may reasonably be treated as property" under English law. URL: <https://technation.io/news/legal-statement-ukjt-cryptoassets-smart-contracts> (дата обращения: 07.03.2026); see also: AA v Persons Unknown EWHC 2556 (Comm), where the Commercial Court recognized the crypto asset (Bitcoin) as a form of property, which provided token holders with legal certainty and access to tangible legal protection.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru